

Стас Серов

Под Полярной звездой

Роман-шкатулка

Стас Серов

**Под Полярной звездой.
Роман-шкатулка**

«Издательские решения»

Серов С.

Под Полярной звездой. Роман-шкатулка / С. Серов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519100-7

Хотите услышать увлекательную историю про лопоухого мальчика Ромку? А в Заснеженном Королевстве хочется побывать? Вспомнить о старых переписках с любимыми? Всё это и многое другое читатель найдёт в этой книге. Роман-музыкальная шкатулка «Под Полярной звездой» искромётный, временами грустный, заставляет задуматься над смыслом жизни, обогащая читателя поэтическим языком. При чтении подкупает то, что повествование увлекает не только сюжетом, но и пронизано страстным стилем Стаса Серова.

ISBN 978-5-00-519100-7

© Серов С.
© Издательские решения

Содержание

Под Полярной звездой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Под Полярной звездой

Роман-шкатулка

Стас Серов

*Посвящается с благодарностью Алле, коллеге по перу, за помощь
в создании романа*

Иллюстратор Майя Киселева

© Стас Серов, 2020

© Майя Киселева, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-9100-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

Я каждый написанный абзац могу сравнить с походом в степь без воды – утро, прекрасный пейзаж: небо так близко, словно бы лежит на шершавой ладони степи, голубое-голубое, а облака белоснежно белые и тоже так близко, что кажется, влезь на дерево, и можно будет потрогать. До ближайшего околка идти всего-то полчаса. Идёшь и не можешь надышаться запахами трав. А чем дальше в долину, тем больше цветов, всяких: белых, жёлтых, фиолетовых, синих, бордовых – и пахнут они так, что кажется можно воздухом, словно мёдом, полакомиться.

Птички поют, кузнечики стрекочут, тёплый ветерок своими пальчиками проникает под рубашку и приятно ласкает тело. Так хорошо, что и умереть не страшно, и хочется лечь на травы меж цветов, закутаться в пение птиц и уснуть, посреди степи, под добрым взором солнца. Но зачем-то продолжаешь идти к околку, проходит полчаса, а он не становится ближе, проходит ещё час – околоч всё там же. И вот уже близится полдень, а до околка ещё полпути. От приторного запаха цветов першит в горле, пить хочется так, что отрываешь пуговицу с рубашки и продолжаешь идти, посасывая её, да ещё и голова начинает болеть то ли от жажды, то ли от назойливого пения птиц...

Под Полярной звездой

Многие считают, что сказки и былины рассказывают о вещах, которые на самом деле не случались, но ты-то знаешь, звёздочка моя маленькая, истину глаголют былины. Мы авторы очередной...

В далёком Заснеженном Королевстве, там, где искрятся утёсы от намёрзшего льда, где под сияньем полярных огней, словно звёзды на Млечном Пути, кружатся в хороводе с ветром белых цветков опавшие лепестки, жила девочка, внешне не особо отличавшаяся от сверстниц из соседних королевств, но совсем не похожая на них.

Её соседки считали себя принцессами, в их одинаково пустых и жадных взглядах ясно читалось: «Этот мир принадлежит нам, но он такой скучный, такой, до безобразия, скучный». Они все, как одна, жеманно тянули слоги, обсасывали многострадальное «а», участвовали в модных акциях по сбору средств для нуждающихся, сидели на диетах, сплетничали о бывших, читали фанфики, – все такие одинаковые, такие скучные.

В каждом же движении нашей девочки было столько первозданного, истинного, что даже шалый ветер, порой пробегая мимо, вдруг замирал и, притаившись меж украшенных синим инеем лип, не без зависти любовался свободными порывами её души. Она была частью Заснеженного Королевства, жители которого под светом морозной звезды, сами выбирают свой путь, как и кем его пройти. Необъятное же Королевство было всего лишь частичкой в сердце девочки, казалось оно в нём размером не более самой маленькой снежинки, которая, поблёскивая под светом души, отражалась искорками мечтаний в её зелёных глазах.

Девочка не знала, что такое семья, но, видимо, это было в её крови, в генах, и она ждала своего суженого. Мечтала она, сколько себя помнила, о муже, который будет о ней заботиться, о детях, которых они будут любить, о доме, в котором всем им будет тепло. Заранее готовила приданое: вязала покрывало, коврики, накидки, разные безделушки. Бережно готовила всё необходимое для спальни и для себя. Шила, не жалея ни времени, ни исколотых пальцев, платье: украшала его вышивкой, кружевами, ворот оторачивала бейкой, воланы распускала на груди. Подолгу, внимательно, используя все сильные стороны фигуры и скрывая слабые, подгоняла платье у зеркала.

В девочке была заключена вся сила и красота далёкого Королевства, но сама она, как и большинство по-настоящему сильных и красивых людей, этого не осознавала и нередко, сосредоточенно работая у полуночного зеркала, вдруг горько, почти про себя, но отчётливо проговаривала: «Уродина. Никто тебя не полюбит». И одинокие слёзы отражались в гладком глянце безразличного зеркала, а мысли о том, что её никто никогда не полюбит, колом подступали к горлу и сжимали юную грудь с такой силой, что не только работать, но и дышать становилось почти невозможно, и платье возвращалось на тремпель.

Но юность тем и замечательна, что всё в ней необычайно ярко, пышно, сильно, быстро. И уже наутро девочка, как обычно, беззаботно веселилась, секретничала со снегирями, делилась с ними мечтами о том, как уже совсем скоро прекрасный и честный, сильный и добрый принц явится в Заснеженное Королевство и, конечно же, с первого взгляда, до безумия влюбится в неё и заберёт с собой в своё сказочное царство, где они будут любить друг друга, родят двадцать шесть детей и всё у них будет... Снегири радостно порхали вокруг и тоже возбуждённые этими мечтами, щебетали без умолку, садились девочке на плечи, пели свои задорные песни и ласкались о её румяные щёчки.

И в эти дни оттепели молодая кровь бурлила, наполняла сердце радостью, любовью ко всему живому, жадной жизни, жадной дарить любовь, а вместе с нею и саму жизнь, такую прекрасную, бесконечную жизнь.

Затем совсем уже раззадоренная трелями красногрудых певцов и своими собственными грёзами, она, пока взрослые олени, лёжа на поляне, жевали мёрзлый мох, азартно, словно ребёнок, врывалась в снежную битву с ретивыми телятами. Уже скоро руки болели от холода, но горячее счастье переполняло сердце и снежные снаряды продолжали лететь в отбрыкивавшихся оленят. А когда окоченевшими руками становилось уже совсем невозможно лепить снежки, наша юная воительница, не желая уступать, начинала мило кривляться, подражая озорному и нелепому блеянию телят, и в эти мгновения даже тонконогие, ещё не потерявшие свой жёлтый пушок, телята казались более взрослыми. Девочка, озорно, от сердца смеялась, дурачилась, гонялась за телятами, щекотала их. А взрослые олени всё так же равнодушно продолжали жевать свою жвачку, безучастно наблюдали за тем, как отчаянно детство проживало свои последние дни.

Дети не знают жалости к мечтам, они мечтают небрежно, не потому что жестокие, — просто не умеют взять зёрнышко своего желания и аккуратно, заботливо орошая и согревая его любовью, прорастить из него росточек настоящей мечты. Наша юная озорница уже научилась этому искусству: она видела в каждой льдинке чудо, в каждом рассвете рождение мира, в каждом, даже самом сером камушке, — жизнь, а в каждом закате предвестие нового рассвета. Но она ещё не научилась верить в мечты, и они оставались не высаженными из нежной теплицы её души в открытый грунт навстречу метели, которая страшна, но необходима.

В особенно морозные дни девочка не ходила в гости к своим красногрудым друзьям и не играла с телятами, а до вечера, сидя на широком подоконнике, пряла, так печально глядела в окно, словно бы едва сдерживала желание выйти, не обременяя себя одеждой в мороз и подставить его обжигающим поцелуям щёчки, и руки, и всё тело, и душу, — и больше никогда не возвращаться под, до тошноты, уютный навес бревенчатой избы.

Веретено, в умелых руках, не останавливаясь, плясало гипнотический танец, увлекая за собой из кудели нить в бесконечный хоровод. А рукодельница, зачарованная своей же ловкой и плавной работой, думала о суженом муже, которого она ещё не знает, который теперь совсем не виделся ей сказочным принцем из волшебного царства, а был обычным парнем, но которого она будет любить даже сильнее, чем любила бы самого красивого из принцев. Для которого она так заботливо и старательно готовит себя и приданое. Думала о том, как они будут любить друг друга, своих детей, и всё у них будет ладно. Как счастливы будут они. Как преданно она, что бы ни случилось, будет его ждать. Она работала и без конца думала – будет.

Подобные напевам древнего заговора, снова и снова, словно бы увлекаемые из кудели нити, наматывались и закольцовывались на парящее в воздухе веретено, её мысли. Они пёстрые, как наряды качающихся танцовщиц, всё быстрее неслись в пьяном хороводе, одна сменяя другую: о том, как выйдет замуж, как они будут любить, о детях, как они будут похожи на своего отца, о приданом, которое она себе сделает, и её непременно оценят, похвалят, что она такая рукодельница, такая умница, такая старательная, такая... В эти моменты ей отчаянно хотелось себя, любимую, украшать. И снова возвращалась к мыслям о будущем муже, о детях, о счастливой жизни... Она трудилась и радовалась, представляя те платья и украшения, которые себе сделает, и от этого начинала работать ещё усерднее, ещё старательнее.

Но так же, как нить пряжи, которая от чрезмерного старания пряжи утончается и рвётся, так и мысли, если их слишком усердно лелеять, истончаются. И чем больше витков стягивалось вокруг веретена, тем быстрее нёсся уже не пёстрый, а выцветший хоровод её фантазий, тем тяжелее становилось на душе. И как только веретено всё же прекращало свой, казавшийся бесконечным танец, в груди девочки возникал страх, что без приданого её не возьмут замуж, и он, увидев её несовершеннолетний наряд, не полюбит, а только посмеётся. И тогда этот воображаемый будущий муж причинял своим равнодушием столько страдания, что даже исколотые за шитьём свадебного платья пальцы, казалось, своей болью утешали её.

Немало слёз было пролито у равнодушного зеркала, много снов так никогда и не были увидены, а луна всё так же старательно освещала комнату девочки, и звёзды пели всё те же песни.

Однажды, после очередной бессонной ночи, когда свадебное платье, наконец, было завершено и теперь мирно отдыхало на плечиках, а пряжа была забыта на подоконнике, девочка впервые за долгое время не проснулась поприветствовать рассвет. И тогда нетерпеливые сумеречные лучики сквозь замороженное окно в комнату девочки запустили своих младших братиков, маленьких солнечных зайчиков, которые должны были разбудить засоню, но по-детски любопытные зайчики сразу же разбежались по комнате, оставляя повсюду свои разноцветно-зеркальные следики, одни разглядывали платье, другие заигрывали с мирно лежащим на подоконнике веретеном, третьи изучали затейливый орнамент прялки и наивно удивлялись тому, как он похож на их далёкий солнечный домик. Зайчики были повсюду, а сумеречные лучики ждали их у разукрашенного морозом окна.

Когда зайчики уже собирались разбудить девочку, до них донёсся лёгкий шелест её сновидений, и вот уже они, укрыв девочку зеркальным платом до бровей, дружно собрались поодаль неё и, не смея пошевелиться, в ожидании красочных грёз, любовались соней. Тем, как утро дышит у неё на груди, как ярко пышет на ямках ланит, как чернеясь, бегут на плечах пряди лентой с обеих сторон. Качая зайчиков, грудь девочки медленно поднималась и опускалась в такт плавному дыханию. Ей снилось, что какой-то огромный своенравный зверь схватил её в свои сильные обволакивающие объятия и теперь, не спросив позволения, словно на крыльях, куда-то уносит.

От стремительного полёта внизу живота что-то замирало и щекало. Сон был такой яркий, что девочка ощущала иголки волнения на кончиках пальцев. Страх смешивался с негой, и ей было так сладко в этих неведомых объятиях, что когда зверь замер над бездон-

ной пропастью, она, от охватившего сердце восторга, едва не задохнулась, а губы сквозь сон прошептали: «Неси!»

Девочке хотелось, чтобы зверь нёс её дальше, всё выше и выше, туда, где кажется земля звездой, землею кажется звезда, и никогда не останавливался. Но вдруг какой-то незнакомый голос спокойно спросил: «Куда вы?»

«Может, к вам в гости», – не задумываясь, ответила девочка. И уже в следующее мгновение не было ни зверя, ни пустыни неба огневой, ни сияющей бездны пустоты. Она стояла в своей, до каждой трещинки, знакомой комнате, перед своим равнодушным зеркалом, но всё же было что-то необычное и в комнате, и в зеркале, и в самой девочке. Она теперь с непривычным, приятным волнением разглядывала своё отражение, словно никогда раньше не видела его.

Сначала медленно поворачивала только голову то в одну, то в другую сторону, затем наклоняла её набок, любовалась своей гибкой шеей. Это было ново для девочки. Потом тоже медленно и плавно поворачивалась вся, одни наряды чудесным образом сменялись другими, а девочка всё смелее вертелась перед зеркалом: замирала в разных позах и снова кружилась освещаемая лишь падающим через окно светом морозной луны. Она впервые любовалась собой и радостно, в голос, смеялась сама себе.

Зеркало тоже преобразилось, оно больше не было холодно-равнодушным. Девочке показалось, что и оно любит её, и тогда игриво, немного насмешливо, спросила: «Нравлюсь!?»

В следующую секунду зеркало перестало быть просто зеркалом, а превратилось в ночное Зазеркалье, за которым, в огромном кожаном кресле, сидел тот самый, всего несколько мгновений назад вырвавший её из объятий зверя, неизвестный обладатель незнакомого голоса.

В полумраке Зазеркалья его лицо было скрыто тенями, но девочка точно знала – это Он. Она и не думала испугаться неизвестности, или как-то робеть, наоборот, движения девочки стали выразительнее, а позы заманчивее. Ей до дрожи хотелось, чтобы незнакомец любовался ею, хвалил её. И она, в разных нарядах, продолжала кружиться, так же как секунду назад перед зеркалом, теперь уже перед своим гостем и, вскоре, сама не заметив того, словно цыганка, свободно плясала под звучащий только для двоих ритм ночи.

Черты таинственного гостя с каждым па цыганки виднелись всё отчётливее – луна плывёт за солнцем, звезда за собой ведёт корабли, а танец цыганки свободен, он словно волны морей, словно пламя костра, по своим законам живёт, он идёт туда, куда воля ведет, за своей цыганской мечтой! По закону крови своей цыганка оголяла колени, подбрасывая в воздух ноги босые свои, ударяла ступнями о пол, вскидывала руки, взвивалась в прыжке, как чернокрылая ворона. Падая на колени, отчаянно, теперь уже, словно белокрылый лебедь, била грудью о воздух, и вновь прыжок, и смелые руки над головой, и дерзкие ноги высекают искры, и волны ярко-красных юбок набегут на берег и, вспениваясь, отпрянут и вновь набегут. Танец цыганки, словно бабочки-однодневки полёт – отчаянно-непредсказуемый. Волнистые густые волосы липли к щекам и шее цыганки, в очередном прыжке взлетали в воздух и опускались на дерзкие плечи. И снова эти колени, и руки над головой, и стопы, и грудь, и разноцветные волны... Танец закончился так же неожиданно, как начался. Цыганка стояла напротив гостя, тени с его лица окончательно испарились...

Молодой мужчина с грустным взглядом, с женственными губами и в целом с мягкими девичьими чертами, всё так же неподвижно сидел в кресле. Его бледное лицо было красивым из тех, которые просто не могут не нравиться молодой девушке. На нём был чёрный костюм из брюк и пиджака на голое тело, ноги были босы. На груди незнакомца цыганка узнала свой, давно неизвестно где потерянный оберег – кулон в виде капельки, в которой, казалось, расплавилось, а затем застыло вместе со звёздами северное сияние. Яркие всполохи: красные, синие, зелёные, золотые, – расплывались от его центра и, словно тропинки на Млечном Пути, закру-

чивались к краям. Мысль вернуть имущество или хотя бы спросить о том, где незнакомец его нашёл, не возникала. Цыганке было приятно видеть свой оберег на его широкой груди.

Кошка с рыжими пятнами, сидящая на коленях у таинственного гостя, пристально смотрела своими зелёными глазами в изумрудные глаза девочки, в то время, как длинные и ловкие пальцы мужчины плавно поглаживали её вдоль гладкой шерсти. Кошка гибкими движениями демонстрировала, что ей приятны ласки гостя.

Глаза цыганки впились в Зазеркалье, а дыхание, ещё пылкое от танца, сильно поднимало и опускало грудь, она, не понимая за что – всем сердцем ненавидела эту маленькую кошечку на его коленях. И это тоже было новым. Она едва не проснулась от охватившего сердца жгучего давящего чувства, но заботливые солнечные стражи её видений давно не наблюдали такого необычного сновидения и, не желая его окончания, прильнули к спящей груди и своим добрым теплом успокоили юное сердце.

В момент, когда у босых ног незнакомца появились два котёнка, цыганка уже ощущала не ненависть, а солнечное тепло, которое нежно струилось в каждой её венке, в каждой жилке. Кошка прыгнула на пол и заботливо вылизала котят, затем увлекла их за собой в глубь Зазеркалья, где они и исчезли. Только теперь цыганка сделала шаг в направлении Зазеркалья и замерла. Мужчина, который, казалось, поднялся ей навстречу, вдруг обратился в такого же маленького котёнка, какими были два предыдущих, но цыганка только улыбнулась, совсем не удивившись перевоплощению.

Головастый, нескладный котёночек, заломив по-хулигански хвост, угловатыми полупагами, полупрыжками, спотыкаясь, поспешил вдогонку за кошачьим семейством. Юная цыганка, не переставая улыбаться, следила за котёночком, но, как только он скрылся, смело перешагнула резной порог Зазеркалья, за которым её взору открылось поросшее деревьями глухое заболоченное место. Запахи спелой пшеницы, хмеля, мёда, изюма парили в освещаемом яркой лунной воздухе, и если до этого у цыганки ещё возникали мысли, что всё это не может быть явью, то теперь она точно знала – всё, что с ней происходит, не сон.

Равнодушная к непривычным краскам сумеречного леса, она медленно шла в чащу. Воздух был влажный. Размокшая тропинка, изгибаясь, убегала вдаль и, увлекая цыганку за собой, терялась за очередным поворотом. С каждой травинки, с каждого листочка, негромко позванивая, скатывались в разлитые повсюду лужицы чёрной воды капельки серебряной росы. Лягушки, уступая дорогу, прыгивали с узкой склизкой тропинки в воду и, квакнув, скрывались в глубине. Когда она всё же вышла из-под сумеречного навеса заболоченного леса, на подошву её белых туфель-лодочек пристало немало мокрой земли, а свадебное платье, уже совсем мокрое, неприятно прилипло грязным подолом к окрапивленным лодыжкам.

Взору открылся небольшой чистый холмик, первое, что цыганка увидела на нём – средних размеров, невзрачного, серо-бурого окраса, вислоухого пёсика с добродушной и простой мордочкой дворняжки. Он, радостно виляя своим крючковатым хвостиком, беззаботно носился по сочной траве за кружащимися тут и там бабочками, а они, казалось, не особенно старались сбегать и задорно играли с пёсиком в причудливые салочки. Одна, самая большая чёрная бабочка с яркими лунными бусинками на крыльях, села на любопытный собачий нос. Пёсик замер, стараясь не спугнуть подружку, почти перестал дышать, но пыльца на крыльях бабочки сделала своё дело, и он, фыркнув, чихнул. Девочка, наблюдавшая за этой игрой в тени деревьев, полная желания погладить пёсика, вышла из-за своего укрытия.

– Аяврик! – кликнул уже знакомый голос. Юная цыганка замерла у края холмика и только тогда заметила стоящего на противоположной стороне, под иссохшим и опалённым скелетом когда-то могучей яблони, своего таинственного гостя. Пёсик подбежал к подножию яблони и, вытянувшись, улёгся на присыпанной пеплом земле.

Не пытаясь скрыть интереса, цыганка откровенно разглядывала своего незнакомца. Луна освещала его уверенное лицо: резкие скулы, греческий подбородок, прямой широкий нос, одинокий, грустный взгляд, обрамлённый тонкими раскрытыми бровями и узкие чувственные губы. Казалось, хоть и прошло с их первой встречи времени меньше, чем требовалось бы на то, чтобы сменить рубаху, это был уже совсем другой, более взрослый и сильный мужчина.

Он стал как будто старше, мужественнее. Но цыганка, быстро привыкшая к необычности Зазеркалья, не придавала этим изменениям значения и единственное, о чём думала, любуясь своим босоногим гостем, как восхитительно, должно быть, он целуется.

Незнакомец улыбнулся уголками губ, словно бы слыша её мысли. Кровь вмиг прилила к юным щекам. Это было настолько прекрасно, так волнительно и мило, что солнечные зайчики не сдержались и покрыли румяные щёчки своими радужными поцелуйчиками. Глубоко вздохнула спящая красавица от тёплых прикосновений, но сон был слишком сладок, и она позволила милым озорникам игру, а сама снова отдалась в объятия сонных грёз.

Незнакомец также, без стеснения, разглядывал цыганку. Её туфли-лодочки, несмотря на пройденный по заболоченному лесу путь, были всё того же чистого кремового цвета, в отличие от платья, подол которого был непоправимо испачкан.

Но для молодой цыганки это уже не имело значения, ей не хотелось покидать Зазеркалье. Она с радостью осталась бы там навечно, ведь ей было как никогда спокойно под пристальным взглядом незнакомца. И она, сняв свои туфли-лодочки, во второй раз двинулась в путь через холмик навстречу своему незнакомцу.

– Между нами теперь не четыре, а два часа, – снова остановил он цыганку. Вынул из-за пазухи того самого головастого котёнка. Цыганку удивило то, что она слышала голос незнакомца, хотя его губы и оставались неподвижны. Котёнок же, как только коснулся лапками травы, ни секунды не медля, своими угловатыми полушагами, полупрыжками пересёк полянку, прошмыгнул между ног девочки и выбежал на тропинку заболоченного леса. Цыганка обернулась, чтобы проследить путь котёночка: «Как же всё-таки странно: и котенок, и гость, сидящий в кресле, и незнакомец под яблоней, – всё это Он».

А котёночек тем временем уже скрылся в петляющих изгибах узкой тропинки. Когда цыганка обернулась назад к незнакомцу, то под иссохшим стволом яблони никого не было. Пёсик вновь беззаботно и озорно играл в салочки со своими порхающими подругами. Девочка в третий раз собралась пересечь холмик, как до неё донёлся знакомый скрип входной двери, затем едва слышно захрустел снег.

– Это котёнок выбрался на улицу! – испугалась цыганка. Её сердце бешено забилося: «В Заснеженном Королевстве он заблудится. Он замёрзнет! Его растерзает какой-нибудь зверь!» Мелькало в голове: «Он погибнет! Его нужно скорее найти и вернуть в избу!»

Тревога полностью овладела цыганкой. Солнечные зайчики в последний раз тёплыми поцелуями оросили красавицу, и она очнулась от сна. Зайчики же незаметно растворились в лучах полуденного солнца.

Сон был настолько реален, что, проснувшись, девочка вскочила с постели и вмиг оказалась у окна. На пушистом снегу, за окном, конечно же, не было ни котёнка, ни следов от маленьких лапок, но глазам нашей юной спасительницы открылось куда более неожиданное зрелище...

Пока она путешествовала в снах, судя по немногочисленным следам на снегу, всего за несколько минут до её пробуждения, к порогу пришёл огромный белый волк и сейчас, улегшись на деревянных ступеньках крыльца, грелся, подставив солнечным лучам свои мощные, намерзшие снегом и льдом бока. Одна тревога тут же сменилась другой: «Что если волк пришёл съесть меня?!»

В ужасе представила девочка, но тут же эту мысль вытеснила ещё более пугающая: «А что если этот зверь загрызёт моего суженого?! Что если он украдёт моё счастье?!»

В юное сердце, задыхаясь и кашляя, хромоногой поступью вновь вошёл страх и сразу же, своим грузным телом, выдавил все волшебные воспоминания о Зазеркалье.

– Если моему суженому выпало быть растерзанным этим ужасным зверем, то пусть он лучше никогда не явится к злосчастному порогу! Пусть останется жив! И я буду счастлива, зная, что он невредим и счастлив, пускай даже с другой! – такие благородные мысли возникали в чистой душе девочки.

– Этому подлому зверю не отнять у меня суженого! Ведь я буду, что бы ни случилось, любить Его!

Прикованная страхом к окну, девочка собрала свои красивые выющиеся волосы в пучок, перетянула его шерстяным жгутиком и, присев на подоконник, скорее по привычке, нежели по необходимости, просто чтобы успокоиться, взялась за оставленную ночью пряжу.

Веретено очертило остриём в воздухе круг и, не нарушая его границ, поплыло по привычному для него маршруту, увлекая за собой в хоровод нить из кудели. И пока веретено кружилось в своём бесконечном танце, – монотонная работа, сменившая волшебные миры снов, скоро утомила девочку. И тогда фантазия, уже отяжелевшая от скуки, требовала, чтобы тот, которому суждено овладеть сердцем девочки, скорее пришёл и защитил её, чтобы он убил зверя. Мысли же о том, что волк мог растерзать её воображаемого защитника, теперь не страшили девочку. В глубине души, неосознанно, она жаждала, чтобы за неё сражались, убивали или были убиты.

А Белый волк продолжал мирно греться на солнце и в своём спокойствии совсем не был похож на кровожадного зверя, каким казался при первом взгляде.

Девочке, уже немного привыкшей к присутствию опасного зверя, стало любопытно. Она отложила в сторону пряжу и стала наблюдать, как многочисленные льдинки, намёрзшие на грубую шкуру волка, под лучами вселюбящего солнца таяли и, превращаясь в ручейки, стекали с деревянных ступенек, вниз, в долину, а затем, извиваясь, словно бы стараясь продолжить оставленную на подоконнике работу, скручивали ручейки в нить и единым потоком змеились в лес, из которого не более как час назад вышел волк. Девочка вдруг осознала, что ей незачем дальше следить за течением талых вод – она с самого своего рождения знала, куда и зачем они стремятся. В лесу уже набравшие силу водяные потоки, проплавляя в снегах русло, неуклонно проталкивались меж обледеневшего валежника и сгрудившихся в пирамиды торосов к подножию вечноцветущей яблони, в кроне которой, яростно ударяя о воздух крыльями, осипший соловей пытается сбить разгорающееся, у самых корней, пламя, но этим только раздувает обжигающее жало огненного змея. Теперь девочка смотрела только на волка, её всё ещё страшило его угрюмое спокойствие, но она уже не в силах была оторвать взгляд от его мощных лап и плеч, а течение никогда не замерзающих вод в одиночестве продолжало свой путь.

Перед глазами девочки вдруг предстали телята, с которыми она так любила повоевать в снежки, но теперь она совсем не хотела играть с ними, она видела, как с ветки на ветку слетают снегири, но больше не желала смеяться с ними и доверять им свои мечты. Веретено и пряжа с прялкой, и кудель – всё замерло, и больше не было нужным. Её занимал только неподвижно лежащий волк. Он занял всё её мысли, овладел желаниями. Любуясь его мощным хребтом, девочка снова подумала: «А что если он пришёл съесть меня?»

Но теперь эта мысль не казалась пугающей, совсем наоборот, она её манила, доставляла незнакомое томительно-сладкое удовольствие.

Вечерело, волк не уходил с крыльца, а девочка не отходила от окна. Её грудь всё более распирало желание обладать волком: самой стать волчицей, бежать бок о бок с ним в лес, там вместе охотиться, лакомиться тёплым мясом загнанной добычи, а затем тщательно вылизывать окровавленные лики друг друга.

Решение было принято без борьбы с собой, так словно ей ежедневно приходилось его принимать. Не думая ни об острых клыках волка, ни о других страхах, босая, всё ещё в ночной рубашке, не в силах противиться зову крови, не страшась морозных поцелуев Заснеженного Королевства, девочка, затворив за собой дверь, вышла на порог.

Она тихо присела около волка. В ручье, который взял свой исток из растаявших льдинок, а теперь уже превратился в полноводную извивающуюся реку с многочисленными заводями и порогами, начинали отражаться первые звёздочки. Девочка робко погладила белого волка, он не противился, но оставался всё так же неподвижен, а она своими нежными ладонями продолжала ласкать его огромное мощное тело.

Вечер в последний раз блеснул своими оранжевыми искорками в верхушках припудренных снежинками елей, и ему на смену уже спешила ночь. И пока луна ещё не взошла на небосвод, а солнце уже с него скатилось, течение шумной реки полностью погрузилось в непроглядные тени леса.

Волк лизнул руку девочки своим шершавым языком, они оба, укрытые сумеречным одеялом, чувствовали радость и тепло от соприкосновения душ. Теперь она его гладила смело и настойчиво. Целовала. Снег под их ногами был теплее и мягче самой удобной перины. В какой-то момент, стараясь выразить свою неумную радость, девочка начала трепать волка по загривку, словно какого-нибудь пса или человека. Челюсти раздвинулись и крепкими клыками впились в ласковую руку. Кровь, обагрив снег и серую древесину крыльца, тонкой струйкой влилась в незамерзающий поток. Девочка не испугалась ни боли, ни впившихся в её нежную плоть клыков: на её глазах выступили слёзы, но она только стиснула зубы и крепко обняла своего волка за его могучую шею. Волк разжал челюсти и заботливо вылизывал рану.

Луна поднялась высоко, вершины могучих деревьев глухо звенели, по ряби чёрной реки скользнул серебряный свет, и вся вода вдруг превратилась в искрящийся драгоценный поток. Теперь они могли видеть друг друга. Её большие зелёные глаза глядели на него с такой нежностью, что он больше не мог сохранять спокойствие и подхватил её на руки и закружил. Веретено беззаботно лежало на подоконнике, но бесконечный хоровод продолжал свой круг, а алая струйка уже уносилась вместе с тальми водами к подножию вечноцветущей яблони.

Где-то далеко, за стенами лип, запеваала призывную песню волчья стая. Белый волк высвободил девочку из своих объятий, поставил на ноги, наклонившись к ней, нежно поцеловал. Затем спустился с крыльца, и, распрямившись во весь свой огромный рост, не быстрым, но уверенным шагом, придерживаясь заснеженного берега незамерзающей реки, ушёл в лес.

Девочка не пыталась его остановить, она знала, завтра он снова будет ждать её на деревянных ступеньках. И каждое утро он возвращался к её крыльцу, а ночью, призываемый стаей, уходил. В Заснеженном Королевстве законы пишут не люди, а значит, каждый сам выбирает, кем быть, и идёт туда, куда его сердце зовёт, туда, где путеводная сияет звезда.

Их игры на крыльце становились всё яростнее, они ласкали друг друга языками, порой чересчур сильно кусали, но после всегда зализывали общие раны.

Волк оставался волком, но их тени становились всё более похожими. Девочку это пугало, ведь она не верила, что волк пришёл на крыльцо именно к ней, к той, которая играла в снежки с бестолковыми телятами, которая зачем-то доверяла свои тайны не Полярной звезде, как и следовало бы делать волчице, а праздно порхающим в морозном воздухе красногрудым птицам.

Теперь прежде чем волку уйти в лес, они вместе любовались, как совсем близко небесный караван, не спеша, переваливаясь с ноги на ногу, взбирался на бархан вечернего горизонта. Погонщики улюлюканьем погоняли плотно навьюченных украшениями, посудой, маслами, лекарствами, одеждой и магическими папирусами верблюдов, разбрасывая за собой блистательные конфетти, а вожатый, следуя за самой яркой звездой, неуклонно вёл караван всё дальше в пустыню. Но ещё до того как небесный караван скроется за очередным барханом,

волк уходил в лес, чтобы утром снова вернуться на крыльцо, где солнце будет согревать их обоих.

Волк знал, стоит ему позвать, и она уйдёт с ним в лес, но его голубые глаза видели, что девочка ещё нуждается в теплом дыхании печи и в уютных объятиях мягкой постели, в привычных занятиях... А она в нетерпении опускала свои клыки всё глубже в волчью шкуру, нервно рычала и кусала волка за плечи, словно предчувствуя что-то. Он только ласкал её своим шершавым языком.

Когда, после очередной бессонной ночи, волчица приняла окончательное решение: с наступлением вечера уйти вместе с волком в ночной лес, – наутро волк впервые с момента их первой встречи не пришёл к крыльцу.

Она чуяла в каждой половице его запах, его белая шерсть была у крыльца, следы его мощных лап были повсюду, но самого волка не было.

В ожидании своего могучего зверя волчица жадно втягивала ноздрями его метки. От нетерпения едва сдерживала рык, её лапы, не зная покоя, когтями корябали половицы крыльца.

Она убегала в лес, туда, откуда выходил волк, но боясь разминуться, возвращалась к крыльцу. Наступил вечер, а затем и ночь. Волка всё не было. Небесный караван продолжал свой неспешный путь. Волчица, опустив свою хищную морду на передние лапы, спокойно лежала на крыльце. Её взгляд, неподвижно впившись в темноту заснеженного леса, до самого рассвета, надеялся различить вдали родной силуэт.

Настало утро. Волчица спокойно встала, потянулась, её сильное тело охватила приятная нега. Умело орудуя лапами и языком, она тщательно умылась. Затем долго любовалась собственной тенью, ей нравилась та сила и гордая стать дикого зверя, которая читалась в каждом её изгибе. Долго, вдумчиво изучала те самые, родные, следы, ещё дольше принималась к оставленным запахам и, впервые с того момента, как волк пришёл к её крыльцу, ушла в лес.

Снегири сразу же узнали её, но не решились слететь с насиженных веток, – волчица не удостоила их и взглядом.

Повзрослевшие за полгода телята было вышли ей на встречу, но уже через миг, выставя навстречу волчице рога, попятились назад в заросли молодых осин.

Волчица, проходя мимо своих травоядных друзей, обнажила белые сильные клыки и ощерилась, давая ясно понять: «В следующий раз не отпущу».

Не теряя более времени, она направилась в глубь леса, туда, откуда каждую ночь доносились призывные песни волков. Но там не нашла и следа Белого волка. Ещё долго скиталась волчица по просторам ночного леса, прежде чем учуяла запах своего волка, потом, словно обжегшаяся, гналась за ветром и не могла догнать его. Морозными ночами, как и другие волки, выла, её призыв оставался безответным. Лапы волчицы от частых погонь за дичью стали сильные, когти крепкие, челюсти неумолимые.

Волчица всё так же каждый вечер следила за праздничным шествием небесного каравана. Ей было приятно от мысли, что Белый волк тоже где-то любовался тем, как щедро погонщики украшают путь искрящимися конфетти. Теперь единственным, что их соединяло, был неспешно переваливающийся с ноги на ногу, навьюченный чудесами, волшебством и тайнами, караван. Она ждала, когда небесный караван взберётся на алеющий бархан вечернего горизонта, но вожатый, следуя за самой яркой звездой, неуклонно вёл караван всё дальше в пустыню.

В ту ночь, где-то очень далеко, Белый волк пел прощальную песнь, он рассказывал караван-вожатому о том, сколько раз, за время их совместного пути, стае сопутствовала удача, как ловко они отрезали путь оленьим стадам, как не жалея лап и когтей, гнали отары на заснеженные равнины... Повествовал о своих победах и о победах стаи и – тогда пел восторженно-геро-

ически, а затем сообщал и о неудачах и потерях, грустил по ушедшим, пел нежно, словно колыбельную, и тогда волчица понимала, что Белый волк, прощаясь с небесным караваном, пел для неё. Всю ночь продолжалась неровная песня волка, то нарастая до мощи февральской метели, то спадая до нежного шелеста сентябрьского ветерка. А перед рассветом, когда караван-вожатый, на прощание, лично бросил последнюю горсть конфетти и скрылся в бескрайней пустыне, волк окончил свою песню, и они оба, на разных сторонах зимнего леса, уснули в объятиях друг друга.

Теперь волчица точно знала: Белый волк не покидал Заснеженного Королевства, но всё так же охотилась одна и ела одна. Несколько раз ей встречались чужие волки, она принимала их игры, но только клыки, впившиеся в их серые шкуры, были им наградой.

Однажды, увлечённая ночной погоней за дичью, она случайно вернулась к истоку замерзающей реки, там уже не было ни следов, ни запахов волка, деревянное крыльцо обветшало и посерело, но было всё тем же крыльцом, на котором она вместе со своим Белым волком так любила греться на солнце.

В её хищном сердце дикого зверя впервые с того момента, как она отправилась на поиски своего волка, заструилась боль и возник её давний товарищ, страх.

Уставшая от бесконечных погонь и поиска, она поднялась на крыльцо, легла на те самые половицы, где им было так хорошо наедине друг с другом. Засыпая, она чувствовала, что снова хотела бы стать маленькой девочкой, которая проводила ночи за рукоделием, а по утрам щебетала со снегирями и играла в снежки с глупыми телятами, но уже скоро уснула, непривычным, для дикого зверя, по-детски крепким сном.

Ей снилось, как она, со своим волком, в бешеной погоне несётся по заснеженному лесу, их шкуры трутся друг о друга, и это придаёт им сил, и они мчатся ещё быстрее и наступают добычу. И вот волк своим мощным телом сбивает с ног загнанного зверя, и его горячая кровь проплавляет снег, а пар последних вздохов тяжёлыми клубами поднимается к верхушкам сосен. Затем, уже насытившись свежим мясом, волк старательно вылизывал её окроплённое кровью лицо, нежно, словно щенка, он умывал её своим языком. Ей было так приятно, во сне, ощущать его заботу и влажный язык. Но ласки становились всё настойчивее, волк лизал её голову, она, стараясь отделаться от его языка, встряхивалась, но он продолжал свои слюнявые ухаживания, тогда разъярённая волчица сердито зарычала и проснулась. С крыши ей на голову скатилась капелька стаявшего снега. Она встряхнулась, но тут же скатилась ещё одна капля, вслед за ней ещё и ещё. Волчица, уже совсем отошедшая ото сна, отпрыгнула своим большим прыжком в сторону, но как раз в том месте, куда она приземлилась, водный поток сошёл с крыши и окатил её всю.

В ушах зазвенел стремительный прилив крови, она встрепенулась, быстро спустилась с крыльца и только тогда огляделась, за ночь Заснеженное Королевство преобразилось: повсюду таял снег, у неё под ногами, над головой, внизу в долине, – повсюду начинала свой тонкий звон капель, просыпались и журчащие ручейки. Талый снег дождём падал с разлапистых лип, с могучих елей. Водные лавины срывались с холмов и вместе с уже набравшими силу ручейками, общим потоком шума, вливались в бурлящее, вышедшее из своего ледяного русла течение никогда не замерзающей реки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.